

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Джон Коннолли

Жнецы

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44
К64

John Connolly

THE REAPERS

Copyright © 2008 by John Connolly. This edition published
by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency LLC.

Оформление серии *А. Саукова*

Коннолли, Джон.

К64 Жнецы / Джон Коннолли ; [пер. с англ.
А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 544 с. — (DETECTED. Тайна, покорив-
шая мир).

ISBN 978-5-699-89669-1

Они были Жнецами. Они существовали вне закона. Идеальные орудия убийства, сами не знающие, кому служат. Они не колеблясь спускали курок и умирали без сожалений. Но их больше нет.

Смертоносный дуэт Луиса и Ангела — последний осколок канувшей в забвение организации. Теперь эти заплечных дел фрилансеры работают только на себя и своих друзей, таких, как нелюдимый детектив Чарли Паркер. Но прошлое, даже забытое и засекреченное, не оставляет их в покое. Давно похороненные недруги возвращаются, чтобы с процентами взыскать кровавые долги. И неразлучной парочке приходится просить мрачного сыщика об услуге...

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Шабрин А.С., перевод
на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89669-1

Пролог

Все обменивается на огонь и огонь — на все, подобно тому как на золото — товары и на товары — золото.

Гераклит

(ок. 535—475 г. до н. э.)

Иногда Луису снится Горящий Человек. Является он в самой глубине ночи, когда даже город словно впадает в дрему и звуки его угасают, снижаясь с симфонического крещендо до приглушенного ноктюрна. В такие моменты Луис даже не уверен, а спит ли он на самом деле, потому, как ему кажется, что он, наоборот, просыпается — под медленное, едва слышное дыхание друга, спящего рядом на кровати. И с появлением Горящего Человека Луису чуеться запах, знакомый и вместе с тем чуждый: смрад обугленного мяса, брошенного изгнивать; человеческого жира, жарко шипящего на открытом огне. Если это сон, то это сон пробуждения, что происходит с человеком на грани бытия и небытия, сознания и его отсутствия.

Когда-то у Горящего Человека было имя, но Луис более не может его произносить. Имени этого недостаточно, чтобы охватить Горящего Человека всего целиком: оно слишком тесное и утлое, чтобы во всей полноте передать то, кем он стал для

Луиса. «Эррол», «мистер Рич» или даже «мистер Эррол», как Луис некогда обращался к нему, когда тот был жив, — все это уже не годится. Потому что теперь он уже не имя, а нечто гораздо, несоизмеримо большее.

И тем не менее когда-то он был мистером Эрролом — сплошь из дышащих силой мышц, с кожей цвета влажной, плодородной, свежесвывороченной плугом земли. По большей части кроткий и терпеливый. Но что-то так и кипело под его внешне безмятежным обличем. Если глянуть на него исподволь, невзначай, то можно было углядеть это в его глазах прежде, чем оно ускользало, словно некий редкий зверь, усвоивший важность находиться вне досягаемости ружей охотников — белых людей в белых одеждах.

Ибо охотники всегда были белыми.

В Эрроле Риче неугасимо горел огонь: ярость на мир и на то, как он устроен. Этот свой пламень Эррол старался обуздывать, поскольку понимал: если ничего не делать, то возникнет опасность, что огонь поглотит на своем пути все, включая самого Эррола. Может статься, подобный гнев в то время жил во многих из его братьев и сестер. Эррол был темнокожим, ввергнутым в ритмы и ритуалы мира белого человека в захолустном городишке, где Эрролу и его собратьям не разрешалось с наступлением сумерек гулять по улицам. Этот расклад менялся — где-то, но не в его стране и не в его городишке. Туда, где жил Рич, перемены проника-

ли медленно. Может статься, они не проникли бы туда и вовсе или застряли бы на подходе, но это была забота уже других, а не Эррола Рича. К той поре, как некоторые стали поговаривать о своих правах открыто, без утайки и боязни расправы, Эррола Рича уже не существовало — в той форме, в какой его когда-то знали или бы опознали знакомые. Его жизнь развеялась в пепел годами раньше, и в миг своей смерти он преобразился. С этой земли Эррол Рич изошел, а на его месте возник Горящий Человек, как будто сам огонь изыскал наконец способ расцвести нестерпимо ярким оранжево-желтым бутонем и рвануться наружу, пожрав плоть Рича и поглотив его былую сущность. То, что было некогда его скрытой внутренней частью, стало теперь всем, чем Рич был. Кто-то подносил к нему факел, щедро поливал бензином, ослепившим его, уже свисающего с дерева, но Эррол Рич, в сущности, горел уже тогда, когда просил своих мучителей избавить его от последних, самых жутких мук. Он горел всегда и по крайней мере через это победил тех, кто отнял его жизнь.

И с момента своей смерти Горящий Человек стал навещаться в сны Луиса.

Луис помнит, как это произошло: спор с белыми. Вообще так оно часто и складывалось. Белые устанавливали правила, но правила имели свойство меняться. Порядки были нестойки, текучи и чаще диктовались обстоятельствами и необходимостью, чем словами на бумаге. Позднее Луис недоуменно

размышлял... Вот ведь парадокс. Белые мужчины и женщины, заправляющие в городке, неизменно отрицали, что они расисты. «Мы не сказать чтобы ненавидим цветных, — говорили они. — Просто удобнее, если они держатся со своими». Или: «Мы ведь не возражаем, чтобы цветные находились в городе на протяжении дня, но считаем, что ночью им здесь не место. Это все для их же безопасности, точно так же, как для нашей». Странно. Во все времена не так-то просто найти того, кто бы признал себя расистом. Даже сами расисты в большинстве своем как бы стеснялись своей нетерпимости.

Но были и такие, кто носил ее гордо и напоказ, словно флаг; такой контингент в городке тоже имелся. Говорят, заваруха началась с того, что кучка местных запустила в треснутое лобовое стекло грузовичка Эррола увесистый пивной кувшин с мочой, а Эррол этого терпеть не стал и ответил в таком же духе. Его норы — ярость, которую он удерживал внутри себя, — огнем полыхнул наружу, и Рич в отместку швырнул в окно бара Маленького Тома обломок деревянного бруса. Этого оказалось достаточно, чтобы сдрейфившие в тот момент типы ополчились — и на Эррола, и на страх, который он им внушал.

Несмотря на темный цвет кожи, речь у Эррола была поставлена лучше, чем у всей этой белой шатии-братии. У него имелся свой грузовик. Эррол умел чинить вещи, без которых никуда: радиоприемники, телевизоры, кондиционеры — все, че-

рез что идет ток, — и делал это качественнее и дешевле других. Даже те, кто не позволял, чтобы Эррол ходил по улицам ночами, с радостью пускали его к себе в дом днем, лишь бы он починил им бытовую технику, пускай потом некоторые из облагодетельствованных чувствовали некое подобие стыдливости — разумеется, не считая себя при этом расистами. Просто им не нравилось пускать на порог чужих, в особенности если те еще и цветные. Если Эрролу в этих домах предлагали для утоления жажды воду, то подавали ее непременно в какой-нибудь жестянке, которую держали на такой случай отдельно, где-нибудь рядом с бытовой химией (из-за чего вода всегда имела некий химический привкус), а сами из той жестянки, понятное дело, не пили. Поговаривали, что Рич скоро, глядишь, начнет нанимать себе таких же, как он, обучать и передавать им свой опыт. Надо сказать, что и как мужчина Рич был видный, симпатичный («Наш черномазенький бычок», — сказал про него однажды Маленький Том, при этом задумчиво баюкая приклад охотничьей винтовки, висевшей в ту пору над барной стойкой, и было понятно, что Маленький Том со товарищи имеют под этим в виду).

В целом нападать на Эррола у них повода не возникало, но он сам его дал, так что не прошло и недели, как его подвесили к дереву, окатили бензином и поднесли к нему факел.

Вот так Эррол Рич и стал Горящим Человеком.

За полтораста километров к северу, в городе, у Эррола были жена и ребенок. Раз в месяц Эррол ездил их проведать, а заодно убедиться, что они ни в чем не нуждаются. Жена Рича работала в большом отеле. Раньше он и сам числился там разно-рабочим, но что-то произошло («Опять его чертов норов», — поговаривали шепотком), и Эрролу пришлось, оставив жену и ребенка, искать себе работу в другом месте. По вечерам в выходные, когда Рич не ездил к семье, его можно было застать на болотах — в сараюхе с односкатной крышей, где он тихо посиживал за стаканчиком. Сараюха служила чем-то вроде бара и места общения для цветных, которую местная управа терпела на условии, что там не будет бузы и разврата (во всяком случае, чтобы ни то ни другое не бросалось в глаза). Туда со своими друзьями время от времени заходила мама Луиса, даром что бабушка Люси этого не одобряла.

В заведении играла музыка, и Эррол Рич с мамой Луиса частенько танцевали. В ритме их танцев всегда сквозили некая печаль и сожаление, как будто это единственное, что выпало на их долю — и сейчас, и на всю оставшуюся жизнь. В то время как другие пили дрянной виски («Гадючье хлёбово» — так его презрительно называла бабушка Люси), мама Луиса обычно ограничивалась содовой, а Эрролл придерживался пива. Один-два стаканчика, не больше. «Много я не пью, а мало тем более», — отшучивался он на приставания накатить вместе;

дескать, не хочется наутро дышать перегаром на других, особенно на товарищей по работе. Хотя любителей пображничать Эррол в их удовольствиях не одергивал: «Что я им, шериф, что ли?»

Теплыми летними вечерами, когда воздух плыл звоном кузнечиков и заунывным гудением москитов, слетающихся на пахучую смесь сахара и пота попировать на телах людей, а от разгула музыки с потолка сыпалась пыль на толпу, как в ступор ушедшую в шум, запах и движение, Эррол Рич и мама Луиса совершали свой медленный танец, совершенно отмежеванный от неистовства окружающих ритмов, а живущий лишь биением их собственных сердец и слиянием тел, приблизившихся настолько, что временами казалось, будто их сердца пришли в унисон и они стали чем-то единым. Пальцы их сплетались, а ладони в полумраке вкрадчиво елозили по влажным от испарины спинам друг друга.

Иногда им этого бывало достаточно, а иногда и нет.

Когда бы ни сходились пути мистера Эррола и Луиса, мужчина всегда давал ему, тогда еще мальчишке, четвертак. Не забывал приветливо заметить, как Луис вырос, как хорошо выглядит, как им, должно быть, гордится мама.

А Луис неизвестно почему думал, что мистер Эррол им тоже, должно быть, гордится.

В ночь, когда Эррола Рича не стало, бабушка Люси, самая старшая и почитаемая женщина в доме, где рос Луис, заставила маму выпить бренди и

вколола ей дозу морфина, чтобы та хоть как-то забылась. До этого мама безутешно проплакала всю неделю, с того самого дня, как услышала о том, что произошло между Эрролом и Маленьким Томом. Позднее Луису рассказывали, что в тот день под вечер она отправилась к Эрролу домой, а с ней увязалась ее сестра. Мама умоляла, чтобы он уехал, но Эррол ответил, что никуда не поедет: хватит, набегался. Он сказал, что все уладится. Сказал, что ходил к Маленькому Тому и извинился за содеянное. В компенсацию нанесенного ущерба отдал ему все, что сумел наскрести, — сорок с чем-то долларов, которые Маленький Том брюзгливо принял и вроде как простил Ричу некрасивую выходку. Выкладывать деньги, понятное дело, Эрролу было против души, но очень уж хотелось остаться там, где он исконно жил, и работать с людьми, которых знал и уважал. И любил. Такие слова Рич сказал матери Луиса, а Луис узнал их от своей тети, которая передала их ему лишь много лет спустя. По ее словам, при разговоре Эррол с мамой держались за руки, а тетя тогда вышла подышать воздухом, чтобы дать им побыть наедине.

Из лачужки Эррола мама вышла с посеревшим лицом, губы ее мелко дрожали. О том, что будет, она уже догадывалась; знал об этом и Эррол Рич, невзирая на то что Маленький Том на словах вроде как пошел на мировую. Мама прибрела домой и рыдала так, что в конце концов выплакала все силы и забылась за кухонным столом. Вот тогда

бабушка Люси и решилась предпринять кое-что, чтобы облегчить ее страдания, и в те минуты, когда ее возлюбленный горел огнем, мама пребывала в ровной, непроницаемой тьме беспамятства.

В тот вечер питейная сараюха была на замке, а все темнокожие, кто работал в городишке, побросали работу и разошлись еще задолго до наступления сумерек. Собрав в круг свои семьи, они безмолвно сидели по домишкам и лачугам. Женщины стерегли сон малолетних детей или, сцепив ладони с мужчинами, сидели за ненакрытыми столами, в молчании уставясь на пустые незажженные очаги и печи. То, что грядет, они ощущали как медленную глухую жару предгрозья, от которого пугливо бежали, стыдясь и сердясь на себя за бессилие вмешаться, что-то предпринять.

Сидели и молчаливо ждали вести о том, что Эррол Рич покинул этот мир.

В ночь, когда не стало Эррола, Луис, помнится, проснулся у себя в закутке от звука грузноватых женских шагов за стенкой. Он тогда вылез из койки и, чувствуя под ступнями тепло половиц, подкрался к открытой двери их хибары. И увидел на крыльце свою бабушку — стоит, пристально смотрит куда-то в темноту. Луис ее позвал, а она не откликается. А в отдалении, тихонько, музыка — голос Бесси Смит. Бабушка ее обожала.

Бабушка Люси, с накинутым на плечи поверх ночнушки платком, сходит босыми ступнями во двор. Луис направляется следом. Темень вокруг

уже не крошечная: там, в лесу, мутноватое свечение; что-то медленно горит. Силуэт человека, что мучительно корчится в сжигающем его пламени. Он плавно движется сквозь лес, и листва за ним из живой становится черной, мертвой. Чувствуется вонь бензина и горелой плоти. Видно, как обугливается кожа, слышно жаркое, пузыристое шипение телесных жиров.

Не сводя глаз с Горящего Человека, бабушка простирает за спину руку, и Луис подает ей ладонь. Пальцы вплетаются в пальцы, и вместе с тем, как сжимается бабушкино пожатие, страх возникает, а остается лишь горе по страданию, которое сейчас испытывает тот человек. Гнева нет; он придет потом. Пока есть лишь ошеломительная печаль, что, ниспадая, обволакивает, словно темная плащаница. Бабушка шепчет какие-то слова и начинает плакать. Плачет с ней и Луис, и от этого плача пламя как будто затихает, сходит на нет. При этом Горящий Человек изрекает какие-то слова (для Луиса они неразборчивы), а затем его образ тускнеет. Остаются лишь запах и гаснущий отпечаток на сетчатке, как если б на свету резко закрыть глаза.

И вот, лежа без сна на кровати, вдали от мест, в которых вырос, слыша глубокое ровное дыхание спящего рядом друга и любимого, Луис чувствует знакомый запах — смесь бензина и паленого мяса — и снова видит, как шевелятся губы Горящего Человека. И часть слов, произнесенных им в ту далекую ночь, становится вроде как ясна.

«Жаль. Скажи ей, что я сожалею».

Остальное все так же невнятно: текуче, охвачено пламенем. Лишь еще два слова выделяются так, что их можно ухватить, хотя по-прежнему неясно, действительно ли верен смысл того, что доносится из безгубой дыры отверстого зева, или же это лишь то, во что он, Луис, хочет верить:

«Сын».

«Мой сын».

Внутри Эррола Рича бушевал огонь, и что-то от того огня в момент смерти Эррола передалось мальчику. Теперь оно горит в нем. Но хотя Эррол Рич находил возможность смиряться, мучительно удерживать это горение в себе, оно в конечном итоге все равно — и, по всей видимости, неизбежно — выплеснулось наружу и сожгло его. Луис же, подхватив, научился обходиться с ним бережно: он подпитывает пламя, а оно в свою очередь подпитывает его — филигранный баланс. Равновесие необходимо тонко соблюдать. Огонь надо поддерживать так, чтобы он не угасал, и те люди, которых Луис убивает, — это жертвы, что вынужденно приносятся для этой цели. Огонь Эррола Рича был багровым губительным пламенем. Пламень внутри Луиса белый и хладный.

Сын.

Мой сын.

По ночам Луис видит сны о Горящем Человеке.

А где-то там, в невесть какой дали, Горящему Человеку снится он.